

Цинь Гэ: «...»

Начальник отдела:

— Его документы я сейчас оформить не могу. Цинь Гэ, советую тебе быть осторожным. Рабочие достижения Се Цзыцзина действительно впечатляют, но проблема с его «морем сознания» привела к отстранению от должности, и это необычно. Будь внимателен.

Цинь Гэ: «...Значит, теперь я должен его держать при себе?»

Начальник отдела:

— Это указание Гао Тяньюэ, я ничего не могу поделать.

Цинь Гэ взял медицинскую карту и потер виски. Начальник отдела сообщил Се Цзыцзину, что нужно дождаться возвращения Гао Тяньюэ, и тот кивнул, вернувшись к Цинь Гэ.

Се Цзыцзин:

— Что с твоими глазами? Они дёргаются?

Цинь Гэ:

— Я нервничаю, поэтому веки подрагивают.

По дороге обратно, видя, что Цинь Гэ не в духе, Се Цзыцзин благоразумно не стал ничего говорить.

— Подождём, пока вернётся директор Гао, — сказал Цинь Гэ. — Он уехал всего на неделю. Пока побудь у нас в отделе.

Се Цзыцзин потрогал щетину на подбородке и с улыбкой кивнул:

— Вчера я подумал, что ты меня ненавидишь и хочешь отправить куда-нибудь подальше.

Цинь Гэ подумал: «Нет, господин Се, вы не ошиблись.»

Выйдя из лифта, они увидели, что Тан Цо и Бай Сяюань уже ждут у бокового входа.

Бай Сяюань:

— Машину оформили. Едем сейчас?

Подойдя к машине, Цинь Гэ узнал, что у Тана Цо нет водительских прав, как и у Се Цзыцзина.

— Но я умею водить, — пояснил Се Цзыцзин. — В Западном управлении я часто ездил за рулём, и у меня отличные навыки.

Он посмотрел на Тана Цо, затем указал на себя и сказал Цинь Гэ:

— К тому же я выгляжу надёжно, как опытный водитель.

Он собирался сесть за руль, но Цинь Гэ прогнал его.

В итоге Бай Сяюань взяла управление на себя.

Цинь Гэ сел на заднее сиденье и позвонил Янь Хуну. Се Цзыцзин оказался рядом, и сокращение дистанции заставило Цинь Гэ инстинктивно отодвинуться.

Он не мог позволить себе никаких фантазий о «море сознания» Се Цзыцзина. Каждая из них могла добавить к его уже достаточно неряшливому образу ярлык «пошляк» или «извращенец».

На заднем сиденье царил напряжённая атмосфера, зато впереди двое оживлённо болтали. Тан Цо подтвердил, что его онлайн-роман закончился ничем, а Бай Сяюань спросила, не хочет ли он сходить в бар и познакомиться с горячими парнями.

Тан Цо не интересовали ни горячие парни, ни холодные одиночки. Слушая Бай Сяюань, он наконец вздохнул:

— Он сказал, что я слишком худой, и это не его тип.

Бай Сяюань:

— Я не считаю тебя худым, но заняться спортом действительно полезно. Я, например, каждый день хожу в спортзал и работаю с тренажёрами.

Се Цзыцзин заинтересовался:

— Какой у тебя процент жира?

Бай Сяюань посмотрела в зеркало заднего вида:

— А у тебя?

Се Цзыцзин:

— Не знаю, никогда не проверял, но я в хорошей форме.

Бай Сяююань:

— Это видно.

Се Цзыцзин:

— А у нашего начальника какой процент жира? — спросил он, бросив взгляд на Цинь Гэ.

Бай Сяююань:

— Откуда мне знать.

Она тоже посмотрела на Цинь Гэ, опасаясь, что он разозлится из-за этой темы.

Цинь Гэ уже не выдерживал:

— Бай Сяююань! Смотри на дорогу! Се Цзыцзин, заткнись!

Янь Хун на другом конце провода чуть не оглох от такого крика.

Он знал Цинь Гэ несколько лет, но впервые слышал, как тот кричит с такой громкостью.

Без официального запроса от Отдела ментального регулирования их встретил Янь Хун.

— Кто такие Бай Сяююань и Се Цзыцзин? — тихо спросил он, передавая ключ от операционной № 6 Цинь Гэ.

— Самый болтливый и самый ненормальный, — ответил Цинь Гэ, принимая ключ. — Я просто возьму этот ключ, ты не против?

— Ничего страшного, я отправлю запрос и приду к тебе, — сказал Янь Хун. — «Море сознания» доктора Пэн Ху всё ещё не восстановлено, но один пациент больше не может ждать.

Он огляделся и понизил голос:

— Наш бывший заместитель директора готовится к шунтированию сердца. Она ждала Пэн Ху месяц, и теперь все показатели в норме, можно делать операцию. Её семья больше не может ждать, и больница тоже, поэтому они связываются с профессорами из других больниц.

Цинь Гэ уловил нотку странности:

— Это повлияет на Пэн Ху, верно?

— Конечно, и сильно, — пожал плечами Янь Хун. — Если эта проблема не решится, он даже не сможет остаться врачом. Даже если решится, в будущем...

Бай Сяюань и остальные обменялись взглядами, вспомнив слова Пэн Ху: «Спасите меня.»

Цинь Гэ снова вошёл в операционную № 6.

Пыль в операционной была настолько густой, что Тан Цо, закрыв нос, несколько раз чихнул.

Но сколько бы они ни смотрели, это была всего лишь обычная захламлённая кладовка, без каких-либо полезных зацепок.

— ...Какие операции здесь проводились раньше? — вдруг спросил Се Цзыцзин.

Тут Тан Цо, всё ещё прикрывая нос, поднял руку:

— Раньше здесь, кажется, был родильный зал.

Бай Сяюань удивилась:

— Ты даже это знаешь?

— Когда мы поднимались, я увидел на втором этаже фотографию, где говорилось о том, что в операционной № 6 принимали роды, — нервно ответил Тан Цо, глядя на Се Цзыцзина и Цинь Гэ. — Но я... я не уверен...

Первый этаж музея истории больницы был посвящён наградам, а на втором находились предметы и фотографии, связанные с историей развития больницы.

На стенах второго этажа действительно висели портреты знаменитых врачей, перемежающиеся с пожелтевшими старыми фотографиями.

Та, о которой говорил Тан Цо, находилась рядом с лестницей на третий этаж, но Цинь Гэ и остальные её не заметили.

— Четверня... — Цинь Гэ вдруг вспомнил слова Пэн Ху: из стены операционной вылезли не взрослые, а младенцы.

На фотографии были запечатлены четыре сморщенных младенца, завернутые в одеяльца с названием больницы и лежащие в большом алюминиевом тазу.

На краю таза была надпись красными буквами: «Для операционной № 6».

Бай Сяюань была впечатлена:

— Тан Цо, у тебя отличный глаз, просто потрясающе.

Тан Цо смущённо засмеялся:

— Нет-нет, просто случайно заметил. К тому же городские легенды о музее истории в основном связаны с младенцами и женщинами, это странно. Я анализировал время появления этих слухов, и большинство из них возникло за последние три-четыре десятилетия, очень сконцентрировано.

Он закончил, нервно взглянув на Цинь Гэ, и вдруг его голос стал тише, а смех сухим:

— Но это всё ерунда, ха-ха.

— Очень полезно, — неожиданно серьёзно ответил Цинь Гэ. — Тан Цо, ты молодец.

Тан Цо так обрадовался, что начал заикаться:

— Т-тогда, Цинь Гэ, посмотри сюда, на описание этой фотографии.

Описание было подробным: в один из дней 1980-х годов в 267-й больнице успешно приняли роды у женщины старшего возраста, родившей четверню. Мать и дети выжили, и это стало большой новостью.

— ...Сегодня, слушая описание Пэн Ху, я заметил одну странность, — смело сказал Тан Цо. — Он подробно описал инструменты в операционной, одежду врачей и внешность младенцев. Но он не описал пациентку.

Цинь Гэ вспомнил:

— Он только сказал, что пациентка... кричала.

Четверо переглянулись.

Теперь стало ясно, что на операционном столе была роженица.

Бай Сяюань удивилась:

— Пэн Ху наверняка сразу понял, что это роды. Почему он скрывал это и не сказал нам напрямую?

Се Цзыцзин потрогал подбородок:

— Он всё время что-то скрывал. Если «галлюцинации» были не его, он явно защищал того, кто их действительно видел.

Четверо разошлись по второму этажу, продолжая искать фотографии, связанные с операционной № 6. Но, тщательно осмотрев всё, они ничего не нашли.

Когда они вернулись к той фотографии, Янь Хун как раз поднялся по лестнице.

Цинь Гэ спросил, знает ли он что-то об этой фотографии, и Янь Хун, посмотрев на неё, вдруг хлопнул себя по лбу.

— Ах, вот оно что! Да-да, операционная № 6 раньше действительно использовалась для родов, — он подошёл ближе к фотографии, внимательно рассмотрел её. — Когда вы говорили об операционной № 6, многие, включая меня, не могли вспомнить. Я тогда ещё не родился. Но эти четверняшки очень известны в нашей больнице.

Тем детям уже за тридцать, и они каждый год приезжают, чтобы навестить своих спасителей.

<http://bllate.org/book/15560/1384433>